(cc) BY

Упоров Иван Владимирович
д-р ист. наук, канд. юрид. наук, профессор
ФГКОУ ВО «Краснодарский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации»
г. Краснодар, Краснодарский край

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И ПРОБЛЕМА ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН

Аннотация*: в статье рассматривается проблема, связанная с особенностями развития общественно-исторического сознания в России. Автором отмечается противоречивость этого процесса, что показывается на примерах диаметрально противоположных интерпретаций одних и тех же исторических фактов, причем не только обывателями, но и профессиональными историками. Дается объяснение этому феномену.*

Ключевые слова*: исторический факт, общественное сознание, интерпретация, наука, методология.*

Прошедшие два десятилетия прошедшего XXI в. характерны, среди прочего, тем, что в мировом информационном пространстве произошла революция – благодаря цифровым технологиям (компьютеры, Интернет) резко изменилась информационная парадигма: теперь огромные массивы сведений, знаний о практически любых сферах жизни доступны в кратчайшее время, измеряемое часами, минутами и даже секундами. Это обстоятельство не может не влиять на состояние научных исследований, что вполне естественно, если рассуждать логически – чем больше знает ученый, тем плодотворней должны быть его результаты. Однако ситуация нередко складывается неоднозначно, и это касается прежде всего исторической науки, о которой идет речь в данной статье. И эта неоднозначность заключается в том, что, несмотря на доступность множества источников о фактах истории России, по-прежнему наблюдаются острые разногласия по многим из них. Такое положение складывается ввиду различных ис-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ходных позиций толкователей этих фактов, то есть разноречивость определяется в первую очередь субъективным фактором.

И в этой связи мы не можем согласиться с точкой зрения о том, что «понятие объективности вполне применимо в исторических исследованиях, если определять его как данные, достоверность которых подтверждена научными методами» [1, с. 39]. Основной контраргумент как раз и заключается в субъективности самой методологии, которая ставит под сомнение объективность исторического исследования. И хотя, казалось бы, с принятием Конституции России 1993 г. и закрепленной в ней запретом цензуры и обязательной государственной идеологии, и, соответственно, с провозглашением свободы научного творчества (ст. 13, 29, 44 Конституции России), что произошло вообще впервые с истории России, методология исторического исследования должна быть усовершенствована настолько, чтобы выводы ученых-историков были достаточно убедительными, – этого пока не произошло.

Можно приводить немало примеров, показывающих, что субъективизм в значительном количестве исторических трудов отечественных исследователей явно зашкаливает, что, среди прочего, снижает потенциал возможностей, которые предоставляют достижения научно-технического прогресса в виде отмеченных выше цифровых технологий. Так, активные дискуссии среди профессиональных историков перманентно возникают по поводу заключенного в 1939 г. известного договора о ненападении между СССР и Германией (пакта-Молотова-Риббентропа) с соответствующими секретными протоколами. Широкой общественности содержание этих протоколов стало известно после публикации в журнале «Новая и новейшая история» только в 1993 г. [2], и с тех пор споры вокруг этого исторического события не утихают. При этом абсолютное большинство историков не подвергают сомнению сам подписания секретных документов [4], то есть данный исторический факт является общепризнанным, однако его интерпретация различная и, как правило, позиции диаметрально противоположны. В.Р. Мединский оценивает советско-германский пакт

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

1939 г. как «дипломатический триумф» советской военно-внешней политики [3], и это одна позиция, а с другой стороны, и это другая позиция, данный пакт расценивается сугубо с негативной точки зрения, например, в работе В.Л. Дорошенко [5]. И если в первой половине 1990-х гг. в научно-историческом пространстве России преобладала первая позиция, то в дальнейшем, и особенно в настоящее время, преобладает вторая позиция. Подобная ситуация складывается и по поводу других исторических фактов, и довольно наглядно проявляется, в частности, по вопросам, связанным с деятельностью Сталина.

И это довольно сложное и противоречивое явление в развитии российского общественно-исторического сознания. Объясняя его, ряд авторов указывают на то, что исторический опыт общества есть результат не только рационального осмысления прошлого, но и «его интуитивного и эмоционального восприятия» [6, с. 161], что на «формирование исторического знания влияет парадигма того научного сообщества, к которой принадлежит ученый-историк» [7, с. 42]. Можно добавить еще в этом контексте, что применительно к России исторические знания, как нам представляется, имеют слишком широкое понимание, если делать сравнение с другими гуманитарными научными науками, и прежде всего потому, что эти исторические знания непосредственно вплетается в общественную-государственную-индивидуальную жизнь российского социума. Более того, есть основания предполагать, что поведение большинства россиян, по крайне мере, если иметь в виду их стратегические жизненные позиции, во многом определяются теми знаниями об истории нашей страны, которые они получили и определенным образом конвертировали в свои повседневные поведенческие установки.

В свою очередь, это обусловлено непоследовательной политикой российского государства, элита которого, исходя из своих целей, также склонна к преувеличению (преуменьшению) и выборочности исторического отечественного опыта, и соответствующие оценки через средства массовой информации пред-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

лагаются россиянам как «должные», но которые в дальнейшем нередко опровергаются. Так, в свое время советское государство практически заново переписало историю монархической России, причем в негативной коннотации. После распада СССР в 1991 г. наблюдался активный процесс критики советского государства. И это при том, что речь идет об одной стране и об одном народе!

И подобные исторические «шарахания» не могут не разделять общество (причем, это касается как профессиональных историков, так и обычных жителей-обывателей нашей страны) по разным «историческим баррикадам», негативным образом влияя на фактор сплоченности общества перед вызовами современности и будущего. И в этом плане большая ответственность накладывается на профессиональных историков, которым нередко приходится принимать непростые решения в своей профессиональной деятельности. Так, еще сравнительно недавно (по историческим меркам), казалось бы, курс истории КПСС был обязательным в любом вузе СССР, и этот учебный курс читали сотни профессоров и доцентов, которые, разумеется, все достижения связывали с КПСС. Но в 1991 г. советского государства не стало, была распущена и КПСС, более того, компартии были предъявлены обвинения в преступлениях против общества, и даже были попытки организовать суд над ней [8]. А что же историки-преподаватели? Они быстро перестроилась и стали преподавать историю страны с совершенно иными оценками КПСС. С историками-учеными ситуация похожая.

Разумеется, мы далеки от абсолютизации в характеристике историко-научного и педагогического сообщества (но тенденция, на наш взгляд, очевидна) и не склонны подвергать критике поведение и действия указанных субъектов исторического знания (на то ни у автора, ни вообще у кого-либо нет морального права, ибо каждый сам определяет свою жизнь), и лишь констатируем, что ни власть, ни научное историческое сообщество оказались не готовы, причем до сих пор, дать обществу честный и внятный комментарий произошедшим тогда событиям, связанным с распадом СССР. На наш взгляд, следо-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

вало, если предельно кратко, пояснить, что идея коммунизма не прошла испытания временем и квалифицируется как утопическая, МТБ коммунизма к 1980 г., как предписывалось в Программе КПСС, построить не удалось даже в первом приближении, выбранное направление развития общества оказалось ошибочным, и социально-экономическая ситуация требовала перехода на рыночные отношения. Но для такого признания нужно было, конечно, незаурядное политическое мужество, а политиков с таковым не обнаружилось, возможно потому, что историки не представили своего в достаточной степени убедительного профессионального объяснения происходящим событиям.

В литературе по этому поводу отмечается, что «при сознательно проводимом субъективизме (что тождественно идеологизированности) результаты исторического исследования заранее предписываются и действия такого «ученого» являются лишь имитацией познавательной деятельности. В этом случае выбираются только те исторические факты, которые допускают интерпретацию в духе требуемого результата; факты, не работающие на такую «теорию», либо отвергаются как ложные, либо же замалчиваются» [9]. К сожалению, подобные явления пока в значительной степени являются типичными, и особенно применительно к истории советского и постсоветского периодов, то есть, новейшей истории России. Мы можем объяснить это тем, что само российское общество находится в стадии весьма противоречивого общественно-политического и социально-экономического развития, схожего по степени внутреннего напряжения к периоду конца 1980-х гг. Тем не менее, ученые-историки, на наш взгляд, должны находиться над «схваткой», и страницу за страницей писать Большую Летопись нашей страны, стремясь к максимально возможной объективности. Так, если вернуться к оценкам советско-германского пакта 1939 г., то тот же В.Р. Мединский, давая ему в целом позитивную оценку, в то же время счел неправильным оправдывать ссылками на подготовку к войне «тотальное беззаконие, террор против собственных граждан, массовые репрессии» [3].

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

И такой подход, когда нужно спокойно, как говорится, без надрыва, описывать события, не замалчивая и не выпячивая отдельные из них, и давать им оценку в корректных выражениях, и должен, как представляется, доминировать в исторической науке. Кроме того, мы считаем вполне возможным, когда историк меняет свою научную позицию, если на то, по его мнению, имеются соответствующие аргументы. В любом случае не нужно забывать, что история как научная отрасль занимает особое место в системе науки как социального института, поскольку как в повседневной жизни обывателей, гражданских сообществ, так и в деятельности представителей власти любого государства, и особенно России, исторические знания активно используются для формирования и укрепления собственных убеждений и позволяют обладателям таких знаний чувствовать себя более комфортно, оправдывать и обосновывать свои решения и т. д.

Соответственно, историческая наука, в отличие от иных гуманитарных наук, включает в свою орбиту значительное число граждан, и является в этой связи весьма влиятельной составляющей общественного бытия. Поэтому представляется очевидным, что историкам следует воздерживаться от политизации и конъюнктурности в своих исследованиях; в противном случае история как наука может просто исчезнуть, превратившись в аппарат обслуживания соответствующих политических сил. Вместе с тем также очевидным является необходимость более активного процесса предоставления общественности ранее закрытых архивов, без чего трудно делать объективные исторические суждения. Не менее, а, может быть, более важная задача заключается в определении мировоззренческих начал бытия российского социума, поскольку уже длительное время вопрос о том, какое общество мы строим, остается открытым, и историки здесь должны внести свой вклад, представляя обществу в этом контексте объективную историческую ретроспективу нашего прошлого.

Список литературы

1. Леопа А.В. Философский аспект проблемы объективности исторического знания // Дискуссия. – 2014. – №1. – С. 37–41.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

2. Советско-германские документы 1939–1941 гг. Из архива ЦК КПСС // Новая и новейшая история. – 1993. – №1. – С. 83–95.

3. Мединский В.Р. Дипломатический триумф СССР // РИА Новости. – 23.08.2019.

4. Грибан И.В. Пакт Молотова – Риббентропа в современном медиаполитическом дискурсе // Политическая лингвистика. – 2018. – №1 (67). – С. 131–138.

5. Дорошенко В.Л. Сталинская провокация второй мировой войны // Другая война: 1939–1945 / под ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: РГГУ, 1996. – С. 60–75.

6. Сидоров В.Г. Идеология исторической памяти как фактор оценки прошлого // Голос минувшего. – 2016. – №3–4. – С. 159–163.

7. Мухаметгалиева Ч.И. Проблема объективности исторического знания // NOVAINFO.RU: исторические науки и археология. – 2016. – №1 (50). – С. 39–42.

8. Рудинский Ф. М. «Дело КПСС» в Конституционном Суде: записки участника процесса. – М.: Былина, 1999.

9. Нысанбаев А. Проблема объективности в историческом познании // Официальный сайт Института истории и этнологии МОН Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.iie.freenet.kz/otan_tar_1_2000_1–2.html (дата обращения: 18.04.2021).

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)